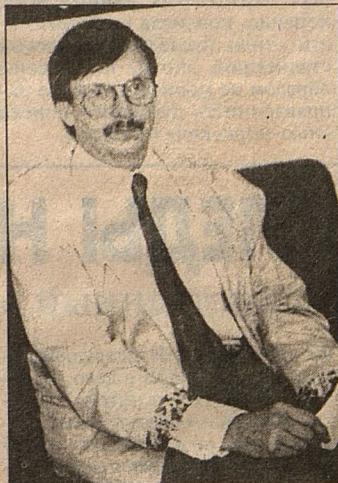

Пекка ПЕСОНЕН: «СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ОЧЕНЬ ПРОДУКТИВЕН»

Букеровский славист на 1999 год

Пекка Песонен – профессор русской литературы Хельсинкского университета и член Букеровского жюри 1999 года. Единственный из всех носителей Букеровской власти, кто внес в свой персональный список финалистов и Пелевина, и Сорокина. В университете преподает все: от древнерусской литературы до современной постсоветской, и руководит группой аспирантов и докторантов, среди которых в свое время значился Александр Эткинд.

НЕ СТРАШНО было, когда оказалось, что читать надо 54 романа?

Страшно, конечно, было, и я сразу сказал, что все читать я не буду. Но ведь из этих пятидесяти четырех около двадцати были серьезные произведения. Остальные тоже были серьезные, но было понятно, что это не литература, которая нужна для Букера. Поэтому я сам список из двадцати–двадцати пяти произведений прочитал.

Но, как я уже говорил (на премиальной пресс-конференции. — А.Г.), я вижу роль западного члена букеровского жюри в том, что это не только его мнение — он имеет право говорить со своими друзьями, коллегами, и я это сделал. Это даже помогло мне в отборе того, что читать, что не читать, а что — подробно. Но были и такие романы, которые я только

перелистывал, а потом понял, что это действительно хорошие произведения. И в шорт-лист попали произведения авторов, о которых я ничего прежде не знал. Вот, например, Васильева («Моя Марусичка») или Бутова и его «Свобода». Сильное впечатление произвели «Самоочки» Уткина.

— А вся итоговая шестерка была в числе тех, о ком с самого начала было известно, что читать стоит?

— Кроме Бутова, честно говоря. Бутова мне никто не называл. Только когда у нас было первое собрание, другие члены жюри его хвалили, и потом я его прочитал.

— Какой круг славистских тем ваш?

— Конечно, преподавать я должен все — от древнерусской (хотя ею у нас мало занимаются) до современной литературы. Но в первую очередь я специалист по на-

чалу века. Докторская диссертация у меня была по Андрею Белому, вообще занимался символизмом, но больше прозой, чем поэзией. А другая тема — это современная литература в широком смысле слова. У меня довольно много статей о Битове, что-то есть о Сорокине, вообще об авангарде, о Бродском и так далее...

— На пресс-конференции вы отметили, что в финальной шестерке нет авангарда, андерграунда. А что такое сегодняшний русский авангард, андерграунд глазами внешнего наблюдателя?

— Современный русский авангард — это та литература, которая начинается с Битова и Бродского, вообще этого поколения. Она продолжается, есть известные имена — Евгений Попов, Сорокин, поэты-концептуалисты, конечно...

Это, конечно, немножко в сторону... У меня на кафедре есть большой проект, который называется «Модернизм и постмодернизм в русской литературе». Один из вопросов, которые мы стараемся объяснить, — что такое русский постмодернизм?. И — гораздо ярче, чем в других странах, — ясно, что русский постмодернизм происходит из модернизма, последствия модернизма очень чувствуются. Эти следы меня очень интересуют.

— Секретарь Букеровского комитета Игорь Шайтанов тогда же сказал, что какая-то часть русской литературы пишется не для русского читателя, а для западных славистов.

— Кажется, он имел в виду писателей типа Битова, Сорокина, Попова, Рубинштейна, Пригова, может быть, и Пелевина — и здесь он,

(Окончание на стр. 10)

Чувависма в журн. — 1999.

28 окт. — с. 9, 10

Пекка ПЕСОНЕН: «СОВРЕМЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ ОЧЕНЬ ПРОДУКТИВЕН»

(Окончание. Начало на стр. 9) наверное, прав. Эти авторы интересны исследователю именно тем, о чем мы говорили: у них слышно использование наследства начала века.

Это не всегда лучшая литература, и даже не всегда то, что я больше всего люблю, но исследовать ее интересно. В этом он прав. Но чтобы нарочно для западного слависта... Ведь у Попова все его повествование так связано с русским реалиями. И чтобы понимать, как Сорокин имитирует разные стили русской литературы, требуется очень высокий уровень знаний.

— А что такое литература, которую вы любите?

— Я прежде всего люблю литературу, в которой соединяется хороший реализм с экспериментальным повествованием, которая основывается, может быть, на экспериментальной игре, но и за игрой что-то есть. Как у Гоголя, у моего Белого, у Булгакова, у Битова, которого я очень люблю.

Ну и такой чистый реализм чеховского типа мне всегда нравится. Это, кажется, есть у молодых. И такую литературу, мне кажется, ищут и ждут на Западе. Потому что экспериментальную знают и переносят, но все время посматривают: «Где там молодой реализм, который описывает, что творится в России сегодня?»

— Какой была ваша собственная шестерка финалистов?

— У меня не было шестерки, у меня было восемь или десять. Из тех, которые попали, у меня обязательно был Гиршович, была Васильева, после чтения был и Бутов. Был Юрий Буйда. О Буйде больше всего спорили, потому что два члена жюри были очень за, двое были очень против, а один колебался. Потом в моем списке все-таки были и Сорокин, и Пелевин, и даже Попов, хотя этот его последний роман уже совсем не таков, как предыдущие.

И, как я уже говорил, у меня был Александр Ильянен с «Дорогой на У», про которого я уже понял, что он никак никуда не попадет. Если бы у меня спросили про самое лучшее произведение русской литературы прошлого года, я не смог бы сказать, что это именно то, но вешь в своем роде интересная.

— Нынешнее соотношение эксперимента и традиции в русской литературе продуктивно?

— Что касается лучшего из литературного эксперимента, по-моему, это очень продуктивно, потому что в ней употребляется наследство (в хорошем смысле слова) и экспериментальной литературы начала века, и, конечно, классиков-реалистов. Я имею в виду и структурные элементы, и стилистические, и — может быть, особенно — автор-рассказчика, с которым много играют, до крайности много — у Попова, еще некоторых. По-моему, это плодотворное употребление.

Это, конечно, очень трудно доказать, но у меня есть такое ощущение — и не у меня одного, — что в современной русской экспериментальной литературе, так называемом русском постмодернизме, чувствуется поиск целостной картины мира, целостного миропонимания. В постмодернизме это не входит в программу, должно быть наоборот, но это есть. Это начинается еще с Битова, у Пелевина, по-моему, очень заметно.

— Членов жюри не интересует, будет ли роман победителя прочитан, станет ли он популярен. Насколько это соответствует вашему ощущению?

— Если говорить об авангарде, то у меня такое ощущение, что действительно пишут не для того, чтобы был огромный круг читателей. Но, наверное, то же самое касается и молодых критических реалистов типа Бутова, Уткина, Васильевой и так далее. Хотя это написано ярко и никаких сложностей для читателя нет, но все-таки-ton такой.

Что Пелевин очень коммерчески выгоден — об этом все говорят, и, наверное, это так и есть. Мне

это не очень понятно. Это все-таки литература не того рода, который считается коммерческим на Западе. Может быть, это русская специфика, что такую литературу читает более широкий круг.

— А в чем, отличие?

— Пелевин, по-моему, слишком сложный писатель, чтобы хорошо продаваться. В той литературе, которая хорошо продается, как правило, легкий сюжет, не ведется несколько тем одновременно... Язык проще. Хотя у Пелевина, конечно, язык простой в современном смысле слова.

— А было ли в этих пресловутых двух ящиках что-нибудь такое, что могло бы продаваться на Западе, — с простым сюжетом, ярким языком и так далее?

— Может быть, не та, но такого типа. Были там и детективы, и что-то вроде женских мемуаров — мог бы быть спрос на такую литературу, но уж очень слабо написано.

У нас тоже есть ежегодная литературная премия «Финляндия», но туда никогда не попадут те произведения, которые хорошо продаются.

— А наоборот, те произведения, которые побеждают, получают премию, они в результате имеют какой-то коммерческий успех?

— Чуть больше, чем без того. Хотя вообще-то у нас эту премию спонсируют издательства, и, конечно, их бы интересовало именно то, чтобы книги продавались лучше.

Первоначально эта премия была и для прозы, и для поэзии, и так далее, но когда пять раз подряд премию дали поэтическим книгам, а потом афоризмам, то они решили, что это будет только проза. Потому что поэзия НИКОГДА не продается.

— Почему же английский Букер имеет такой немыслимый резонанс? Глава русского Букера Гилберт Доктороу рассказывал о трехстах тысячах дополнительного тиража в случае победы романа.

— Я не уверен, что все букеровские лауреаты так хорошо продаются. Последнего, МакЭвана, я знаю, это действительно хорошая литература. Может быть, у вас просто нет такой хорошей литературы, которая хорошо продается.

— А что хорошо продается в Финляндии?

— У нас хорошо продается самый обычный реализм. Есть такой писатель Калле Пяяяло, который написал уже двадцать томов описания своей жизни. Грубо говоря, один том — один год. Просто так, как все было. Он рабочий, с небольшим образованием, — но пишет неплохо. Никакой интеллектуальной игры в этом нет. Так вот, он продаётся лучше всех. 200 тысяч — тираж для Финляндии огромный.

Но такие произведения никогда не попадут в наши шорт-листы. Критики и вообще те, кто формирует премии, это люди другой литературной ориентации.

Единственное русское произведение, которое прошло у нас на уровне русской классики, — это «Москва—Петушки». Это у нас продавалось. И все критики были в восторге. Единственный был вопрос: а там еще что-нибудь такое?

— А кто сейчас главный финский писатель?

— Главный в том смысле, что его все знают, — это тот, о котором я сказал, Пяяяло. Он замечательно продаётся, и на прибыли от одной его книжки издательство может выпустить пять нормальных книг.

Из поэзии есть такой классик, которого у вас переводили, — Пааво Хаавикко. Ему уже около 60. Из прозаиков-классиков, по-моему, лучший — Вейо Мери. Его книгу, биографию Маннергейма, опубликовал НЛО. Он занимается такими историческими темами.

Если говорить о молодой литературе, то там есть много имен. Это дело вкуса. Что-то перевели, кажется, из очень хорошей женской писательницы Розы Ликсом. Это такая короткая проза, соединяющая игру и реализм.

Беседовал
Александр ГАВРИЛОВ